
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ДАНТОВЫ КООРДИНАТЫ (проблема определения ценностного бытия)

В.А. Конев

В данной статье, опираясь на анализ эпизодов "Божественной комедии" Данте, вводится понятие Дантовых координат как специфического пространства, в котором определяется ценностное бытие. В отличие от Декартовых координат, в пространстве которых вещь протяженная определяется через отождествление с их значением, Дантовы координаты требуют воздержания от отождествления с ними, отрицания их значения, в результате чего в их пространстве конституируется культурное бытие как ценностное бытие, прежде всего, бытие человека как личности. Апофатическое пространство Дантовых координат требует личностной активности человека, простейшей формой которой и выступает воздержание (*epoche*). В работе анализируются три основных *modus'a operandi* человека в апофатическом пространстве. Первый *modus operandi* "Если не то, не то, тогда..." ведет к осмыслению ценности ("Negit ergo valet"). Второй - "Если А, то уж А" утверждает бытие индивидуальности ("Affirmo ergo est"). Третий - "Теперь, когда...,то..." вводит осмысление времени. Дантовы координаты - координаты культурного пространства.

Афоризм И.Канта: "Две вещи поражают мое воображение - звездное небо надо мной и нравственный закон во мне", - указывает на две тайны, притягивающих познающую мысль человека. Природа, мир вокруг человека и сам человек с его ценностным миром - вот, кажется, два главных и исчерпывающих объекта познания.

Правда, при более внимательном рассмотрении истории человеческого познания мы увидим, что не всегда это разделение познания существовало. Ибо для античной культуры перед человеческим разумом стоял один всеобнимающий объект познания - космос, включающий в себя и то, что мы называем природой, и человека. И в наше время человек все чаще осознает, что мир человека со всеми его внутренним ценностным содержанием не только не может быть оторван от "внешнего" ему мира, но все больше втягивает его в себя, создавая космос ноосферы. А потому традиционное деление познания на две его области - науки о природе и науки о культуре - все более становится проблематичным, хотя их объединение в едином акте мысли, равно приложимом к "звездному небу" и "нравственному закону", еще требует эпистемологического осмысления.

Корни разделения наук о природе и наук о культуре уходят в историю становления культуры нового времени. Одним из тех, кто приложил свои усилия к их разведению, был Рене Декарт, выдвинувший идею двух субстанций - *res cogitans* и *res extensa*. Данная статья посвящена выделению двух глобальных принципов познания, которые сформировались в европейской культуре по отношению к познанию мира вещей, с одной стороны, и мира человека, с другой. Один из этих принципов представлен Декартовыми координатами, другой - специфическим способом видением человека, который может быть назван Дантовыми координатами.

1 Декартовы координаты - координаты отнесения

В философии Р.Декарта оформилась новая парадигма философского мышления, определившая на столетия как развитие самой философии, так и научной мысли. Выделив *cogito* как мыслящую субстанцию, Декарт анализирует природу самого *cogito* и законы действия разума, направленные на открытия истины ([1]. С. 95). Результатом этого становится метод "совершенного познания", точные и простые правила которого, как утверждает Декарт, при строгом их соблюдении "без излишней траты умственных сил способствуют тому, что ум достигает истинного познания всего, что ему доступно" ([1]. С.89). Идеалом рационального познания для Декарта, как известно, выступает математика. Но чтобы *mathesis universalis* стала реальностью, необходимо было все разнообразие природы, - а оно было очевидно и наглядно, тем более, что со времен античности в философии и науке господствовало представление о космосе как многокачественном единстве, - свести к единому началу, доступному измерению. Эту философскую работу и выполнил Декарт - вся природа предстала как субстанция протяженная. Протяженность материи - ее истинная форма и сущность, "не тяжесть, не твердость, не окраска и т.п. составляют природу тела, а одна только протяженность" ([1]. С.466). А если всякое тело - протяженная субстанция, то оно может быть измерено, измерено может быть также его положение среди других тел и его движение, а через это и "все видоизменения в материи" ([1]. С.476). Измерениями протяженности выступают длина, ширина и глубина ([1]. С.151), наглядное представление о которых, а вместе с тем и о протяженности и протяженной субстанции как таковой дает система координат. Введение в геометрию неизменных координатных прямых, или системы прямоугольных координат стало одним из великих открытий Декарта и одновременно математическим воплощением его философской онтологии. Теперь каждая точка обретала свое "лицо" - значение координат, определяющее ее положение, со-порядок с другими. А это дает возможность определить каждую вещь через придание данной вещи характеристик уже известной вещи, или уже известного "естества" ([1]. С.144).

Прямоугольная система координат Декарта стала не только основанием аналитической геометрии, дающей возможность представлять движение в образе кривых и соответствующих им алгебраических выражениях, но и определила благодаря своим философско- онтологическим основаниям, принцип теоретического объяснения мира вообще. Главное в Декартовой системе координат - отнесение точки к значениям координат и обретение ею благодаря этому отождествлению определенности. "Главная роль человеческого искусства искусства, - пишет Декарт, - заключается не в чем ином, как в сведении к тому, чтобы равенство между искомым и тем, что известно, сделалось совершенно очевидным" ([1]. С.145). Принцип Декартовых координат - это принцип отнесения, отождествления, принцип сравнения познаваемого с заданным для сознания полем значений.

Декартовы координаты и в прямом и в переносном смысле предопределили характер научного познания природных явлений на многие века. Классическая рациональность знает только то физическое тело, "которое полностью пространственно выражено в своем содержании, - отмечает М.К.Мамардашвили, - т. е. все, что мы можем сказать о структуре этого явления, его составе, строении таково, что оно полностью развернуто для внешнего пространственного наблюдения или же... разрешено на каких-либо наблюдаемых частях внешнего пространства" ([2]. С.6). Принцип *cogito* неразрывно связан с принципом пространственности, т. е. с требованием полной пространственной артикулированности предмета во вне самого себя.

Создав "систему мысли о вещах", Декарт одновременно сформировал в новоевропейской науке и философии сам принцип рациональности *cogito*, трансцендентальное правило кото-

рого можно сформулировать так: "Мы познаем лишь те предметы, относительно которых мы одновременно сознаем тот способ, каким они даются... Мы можем познавать предмет только тогда, когда одновременно с познанием его содержания держим в сознании схему его данности, т.е. в данном случае пространство. Лишь такие предметы мы познаем и понимаем рационально" ([4]. С.164). Таким образом, в научной мысли, с одной стороны, должна быть выявлена пространственная артикулированность предмета, а с другой, должна быть артикулирована сама мысль - схема данности предмета должна быть дана мысли. "В этом смысле пространство есть не какое-то физическое явление, а условие нашего познания", - замечает М.К.Мамардашвили ([4]. С.160).

Объективированный в Декартовых координатах тип рациональности охватил не только познание вещей, но и познание мира человека. Уже у самого Декарта в трактате "Страсти души" человеческое тело трактуется как машина (см.[1]. С.597-598, 612), а действия тела как корреляты душевных переживаний, и все внимание философа сосредоточено на "местопребывании" души в теле и на связи души со всеми частями тела (см. [1]. С.610-612). Термины "местопребывание", "местонахождение", "расположение", "движение железы", "направление движения", "присутствие" и т. п. становятся определяющими для описания души и ее страстей. С еще большей силой математически-механистическое понимание человека находит свое проявление у последователей Картезия.

Но подобный принцип рассмотрения человека через отнесение его как своеобразной *tabula rasa* к чему-то внешнему для него, что его формирует, сохранился и позже. Так человека понимало Просвещение: среда формирует характер. Из этого принципа исходит марксистская концепция человека: "Сущность человека в своей действительности есть совокупность всех общественных отношений". Не изменяют ему различные социологические теории личности. П.Сорокин прямо пользуется языком Декартовых координат, говоря о социальной природе человека, которая определяется местоположением человека в социальном пространстве. "Совокупность групп, а также совокупность положений внутри каждой из них, - пишет П.Сорокин, - составляют систему социальных координат, позволяющих определить социальное положение любого индивида" ([3]. С.299). Помещение человека в систему социальных координат определяет его социальное лицо: "Скажи мне, к каким социальным группам ты принадлежишь и каковы твои функции в пределах каждой из этих групп, то я скажу тебе, каково твое социальное положение в обществе и кто ты в социальном плане" ([3]). Однако интуитивно очевидно, что познание человека не укладывается в рамки методологии Декартовых координат, ибо она не дает возможности уловить свободу как характерную черту человеческого бытия и амбивалентность как характерную черту ценности. Свобода в этом случае оказывает равна необходимости, именно так ее определил последователь Декартовского рационализма Спиноза, а амбивалентность ценностей вообще игнорируется. Поэтому рациональное познание человеческого бытия нуждается в иной методологии, но такой, которая должна быть выстроена в традиции европейской рациональности, для которой определенным образом построенное пространство выступало условием познания, т.е. условием локализации как объекта познания среди других объектов, так и познающей мысли среди других мыслей. Но только в отношении к мысли это означало не занятия ею какого-то места в пространстве своих объектов, а умение мысли распознавать места своих объектов, т.е. артикулировать их пространственность, тем самым проявлять и свою определенность. Хотя сама определенность мысли и человека, чьим неотъемлемым свойством она выступает, появляется в пространстве иного типа - пространстве Дантовых координат.

2 Дантовы координаты - координаты отрицания

"Божественная комедия" Данте Алигьери подобна величественному миру космоса, перед которым стоит человек. Известный итальянский литературовед прошлого века Франческа Де Санктис назвал "Божественную комедию" подлинной энциклопедией и национальной "Библией" ([8]. С. 216-217), в которой в концентрированном поэтическом виде выразилось представление эпохи о себе, о человеке, о мире. И не только эпохи средневековой, ибо "в создании этого гигантского здания принимают участие все эпохи и все формы, слитые воедино и "крещенные", проникнутые единой идеей: идеей христианства", - справедливо отмечает Де Санктис ([8]. С.189).

Что же это за идея? Это идея спасения души. Путь души через страдания и скорби земной жизни, жизни неподлинной, к очищению и обновлению, к подлинной жизни души на небесах - это путь спасения, как считала христианская культура. Этому пути соответствуют три мира жизни души - ад, чистилище и рай. Эта концепция средневековой культуры строит и движет мир "Божественной комедии", который в первом и буквальном смысле выступает как видение "того света". Но в отличие от множества подобных описаний "нездешнего мира", которыми была полна литература средневековья, поэма Данте не просто рисует аллегорическую картину "того света", в ней воссоздана *"нетленная геометрия"* и логика творчества, воплощенная в трех христианских мирах; она - град Божий, в котором отражен город человека во всей конкретности места и времени; она - неподвижная богословская сфера, внутри которой бушуют человеческие страсти" ([8]. С.217. Курсив мой -В.К.). Де Санктис произнес, на мой взгляд, ключевое слово в отношении Дантова мира - *"нетленная геометрия"* пространства духовной жизни. Не случайно и сам Данте в конце поэмы сравнивает себя с геометром, который оказавшись перед Высоким светом Бога, представшим как "три равновесных круга, разных цветом" ("Рай" XXXIII, 117), решает задачу квадратуры круга и не может ее разрешить.

Весь мир поэмы Данте построен в терминах пространства: "Яви мне путь!" - взывает Данте к Вергилию, и Вергилий становится проводником Данте: "Он двинулся, и я ему вослед". Структура каждого из трех миров, через которые проходит Данте, сугубо пространственна: преддверие Ада, круги Ада, пояса, стены, щели, бездна, колодец и т.д. в Аду; уступы, врата, круги горы Чистилища; сферы планет, сфера неподвижных звезд, амфитеатр Розы Эмпирея в Раю - все создает зримую пространственную архитектуру нетленного мира.

Все созданное Богом имеет свое место, свое предназначение в мире. Место души - Эмпирей, куда она устремляется легко и свободно, при условии если она очищена от груза грехов. Поэтому способ ее поведения в "нетленной геометрии" пространства духовной жизни - спасение. А ради этого душа должна отказаться от ... - круги Ада показывают нам, от чего она должна отказаться. Она должна покаяться и очистить себя от ... - уступы Чистилища показывают нам, в чем она должна покаяться и от чего она должна воздержаться. Даже в небесах Рая, где все равно блаженны, но все-таки и там есть иерархия небес, и потому даже и здесь душа должна вести себя от меньшего блаженства к большему. Только в самом конце:

... в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенья всех его усилий.

(Рай, XXXIII, 140-142)

Принцип архитектуры "нетленной геометрии" - уйти, чтобы прийти, отказаться, чтобы получить, воздержаться, чтобы насладиться, наконец, спуститься (в Ад), чтобы подняться (в Рай, к вечному свету). Модуль этой "нетленной геометрии" определяет всю архитектуру Ада, о чем он сам свидетельствует:

Я высшей силой, полнотой *всезнания*
И первую *любовью* сотворен.

(Ад, III, 5-6)

И даже само имя Властителя Ада реализует тот же модуль: Светоносец (Люцифер) становится родителем и повелителем мрака. Здесь страсть к добру вывернута наизнанку и существует как ненависть к злу (Ад, XX, 28).

Парадоксальная антиномичность метрики "нетленной геометрии" с особой наглядностью демонстрируется топологией последнего отрезка пути Данте и Вергилия по телу Люцифера:

... мой вожатый
...стал спускаться *вниз*, с клокa на клок,
Меж корок льда и грудью волосатой.
Когда мы пробирались там, где бок,
Загнув к бедру, дает уклон пологий,
Вождь, тяжело дыша, с усилием лег
Челом туда, где прежде были ноги,
И стал по шерсти *подыматься ввысь*,
Я думал - *вспять*, по той же *вновь дороге*.
Учитель молвил: "Крепче ухватись ..."
Вот путь, чтоб нам из бездны зла спастись"

(Ад, XXXIУ, 71, 74-84)

Это место "Божественной комедии" вызвало множество толкований вплоть до того, какое дает П.Флоренский в "мнимостях геометрии", считающий, что Дантово пространство построено по типу эллиптической геометрии и вселенная Данте основывается на неевклидовой геометрии (см. [9]. С.53). Возможно, что так оно и есть. Только вряд ли флорентийский поэт XIII-XIV веков задумывался об аксиомах и постулатах какой-либо конкретной (материальной) геометрии. Мне представляется, что ближе к истине в толковании этого места М.К.Мамардашвили, который в своих лекциях "Психологическая топология пути", посвященных анализу онтологии сознания в романе Марселя Пруста "В поисках утраченного времени", говорит, что этот переворот в точке, "где гнет всех грузов отовсюду слился" (Ад, XXXIУ, 111), означает изменение понимания Данте мира. Спускаясь в Ад, Данте имел один мир, знал один мир, а вернувшись - другой. Тот был не понятый, а этот понятый (см.[10]. С.22-23).

Дантово пространство - это пространство души. Понятие о пространстве души для Данте не метафора, ибо душа для него, как и для всей древней и средневековой культуры, реальность. Поэтому она имеет свое место, о чем пишет Платон (Тимей, 88 в), у нее свой тип движения, о чем подробно пишет Плотин (см. [11]. С.715-716). Об этом находим у Псевдо-Дионисия Ареопагита: "А относительно души известно, что, когда отвратившись от внешнего мира, она обращается внутрь себя самой и сосредоточивает воедино свои духовные силы, то тогда она движется кругообразно, поскольку (вращаясь внутри себя) как бы по кругу, она обретает свободу от множественности внешнего мира" (Божественные имена, 705 А, см. [12]). Вот откуда круги Ада, вот откуда спираль Чистилища (ибо когда душа движется к Богу, она, утверждает Дионисий, движется спиралеобразно). "Неоплатонические источники, устанавливающие соответствие между звездным небом и миром идеи, - отмечает А.Л.Доброхотов, - подсказали Данте способ совмещения пространственного пути героя и внутреннего движения его души и духа" ([6]. С.155). Я бы сказал, что здесь действует

скорее не подсказка, а общее понимание архитектоники "нетленной геометрии" культурой того времени. Но только в отличие от выражения ее в трактатах, которые после того, как Декарт "запретил" мыслить душу (ум, мысль, сознание) в пространственных терминах, потеряли свою теоретическую убедительность, воплощение ее в Дантовой поэме, сохранившей свою художественную убедительность, не потеряло своего смысла. Более того, в эпоху разложения "картезианской формации" [13], становления "нового сознания" [14], разработки "новой рациональности" [2] понимание пространства души Данте в "Божественной комедии" приобретает инспирирующую силу.

Классическая рациональность (картезианско - кантовский трансцендентальный разум) мыслит вещи, которые полностью "артикулированы вне самих себя, т.е. в пространстве, и не имеют внутреннего" ([4]. С.205), не имеют скрытых "сил внутри", доступны внешнему наблюдению, отнесению к координатам. Поэтому при работе с фактами мыслительной, духовной реальности необходимы, считает М.К.Мамардашвили, "иные метафизические постулаты и допущения, чем те, которые допускались классикой и полагались ею в качестве всеобщих и универсальных, совпадающих с абсолютными чертами самой действительности" ([2]. С.79). Возникает проблема "построения онтологического пространства мысли, отличного от так называемого декартова пространства" cite2. Здесь и может прийти на помощь теоретической мысли Дантово пространство с его "нетленной геометрией".

Во-первых, в Дантовом пространстве "внутренние силы" получают свое внешнее выражение, пространство Ада выворачивает во вне то, что было скрыто внутри: обжоры - вязнут в нечистотах, свирепые - постоянно дерутся друг с другом, барахтаясь в болотах Стикса, убийцы, грабители, насильники - погружены в реку кипящей крови, прорицатели и волшебники - имеют свернутую назад голову, а сеятели раздоров и раскола - сами рассечены и т.д. Правда, это "овнешнение" внутреннего становится только в "нетленном" пространстве, только *там*, а не *здесь*. Ибо здесь далеко не всегда грабители и убийцы купаются в кипящей крови, а сеятели раскола и раздора сами не оказываются расколоты и раздраны: мысль о раздоре не раскалывается, а мысль о насилии и убийстве не убивает саму себя. Но *там*, в *душе*, это происходит (вспомним "Портрет Дориана Грея" Оскара Уайльда).

Во-вторых, в *этом* мире, *здесь*, где Декарт справедливо запретил появляться душе, она у Данте все-таки себя проявляет. И это ее проявление обнаруживается в избегании отождествления себя с миром, в процессе которого и строится особая "геометрия" жизненного пространства души. Данте символически разворачивает ее в чисто пространственную ситуацию в Первой песне "Ада":

Земную жизнь пройдя до половины
Я очутился в сумрачном лесу ... , -

так начинает Данте свою "Божественную комедию". И здесь, пытаюсь пройти через дикий лес, дремучий и грозный всякими бедами, стремясь к вершине, где светит "путеводная планета", герой встречает три препятствия : рысь, льва и волчицу.

И вот, внизу крутого кособога, -
Проворная и вьющаяся рысь,
Вся в ярких пятнах пестрого узора.
Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись ...
... Навстречу вышел лев с поднятой гривой.
Он наступал как будто на меня,

...И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
...Меня сковал такой тяжелый гнет
Перед ее стремящим ужас взором,
Что я утратил чаяние высот.

(Ад, 1, 31-36, 45-54)

Как уже говорилось, произведение Данте - это грандиозный символический образ человеческого мира. Каждый персонаж, каждый шаг героев имеет все четыре толкования, применявшиеся в средние века к священным книгам Писания: буквальный, аллегорический, моральный и анагогический. Так и в этом первом приключении Данте: лес, холм, звери, - все имеет значение, как толкуют комментаторы. Сумрачный лес - аллегорически изображает заблуждения человеческой души, холм - восхождение к правде, звери - символы человеческих пороков: рысь (в оригинале пантера "вся в ярких пятнах пестрого узора") олицетворяет иллюзорность земных радостей, сладострастие, обман; лев - гордость, силу, власть; волчица - алчность и себялюбие. Три зверя представляют собою злые силы, препятствующие восхождению человека к совершенству - и в этот открывается высшее символическое значение эпизода, его анагогический смысл (см. [15]. С.496).

Но развивая толкование анагогическое можно выстроить еще методологическое толкование, т.е. рассмотреть весь эпизод как заключающий в себе принцип и метод определения человека. При этом необходимо отметить, что мы имеем здесь дело с определением человека в двояком смысле. Во-первых, с определением человека в жизни, т.е. с тем, что, совершая реальные действия, человек определяет себя, ставит себя в определенную позицию. Во-вторых, со способом определения того, что такое человек, чем он является по своей сути. Эта двойственность понятия определения человека неслучайна. Она вытекает из онтологической природы человека и должна входить в само теоретическое представление о человеке: я определяю себя как человека, как личность - это есть мой реальный процесс жизни, но именно он и дает возможность определить меня - дать имя, дать мою дефиницию. Определение человека - это перформативное действие, совершаясь, оно раскрывает себя, показывая свою определенность, отделенность от другого. Именно это и содержит в себе принцип Дантовых координат, который может быть выделен в методологическом толковании начального эпизода "Божественной комедии".

Эпизод встречи Данте с дикими зверями на склоне холма символизирует универсальную жизненную ситуацию (NB: situs - расположение), в которой человек оказывается постоянно и выход из которой приводит к его определению. Обратим внимание, что язык невольно несет в себе пространственные ассоциации. Эту пространственную природу символического эпизода можно проинтерпретировать как координаты определения человека в жизни. Ложь, насилие, алчность (сладострастие, гордость, стяжательство) - это то, что человек должен избежать, если он хочет быть нравственным человеком, если он хочет стать человеком, если он хочет попасть в точку нравственности.

Ложь, насилие, алчность - это ценностные координаты, по которым определяется человек. Но это координаты особые, не те, которые находим у Декарта, где точка (тело) определяет себя в отношении к координатам, находя в них свое отражение. Это координаты отталкивания, а не отнесения, координаты преодоления, а не притяжения. Находясь в пространстве подобных нравственных ценностных координат, человек в той мере определяет себя как нравственный человек (культурный человек), в какой он отталкивается от них, в какой он отрицает их значение и тем спасает свое нравственное лицо, себя как человека. В эпизоде у Данте это выражено буквально - человек спасается от растерзания дикими зверями.

В представленных эпизодом Данте нравственно - ценностных координатах каждая из координат выражает негативное содержание. Для определения в них важна не степень (мера) развитости того или иного качества, с которым может быть связан человек - столько-то ему принадлежит по шкале лжи, столько-то по шкале алчности и т.п. (как действуют в поле Декартовых координат), а важно абсолютное отрицание самой ценности, самого значения этой координаты. Как свежесть, по ехидному замечанию Воланда, может иметь только одну степень, которая будет и первой, и последней, так и ценность может быть человеком либо принята, либо отвергнута, ибо добродетелью, как и невинностью, либо обладают, либо нет. Поэтому Дантовы координаты - это координаты отрицания, которые задают апофатическое пространство. Человек обретает свою определенность (нравственную, культурную, личностную) в поле действия апофатического пространства через отрицание и отказ (это действие совершается даже тогда, когда Дантовы координаты представлены положительным содержанием ценностей, о чем будет сказано ниже). Место человека в апофатическом пространстве - в фокусе, где сходятся значения его отрицаний. Этот фокус становится утверждением бытия человека.

Апофатическое пространство Дантовых координат реализует, если воспользоваться выражением М.К.Мамардашвили, "онтологический принцип неполноты бытия", который снимает классические предпосылки наличия полного бытия-знания, т.е. предположение такого мира, где все "в себе" уже есть, а истина выступает соответствием мысли предданному состоянию дела ([2]. С.79-80), что и предполагают Декартовы координаты, где каждая точка уже имеет определенное значение. Совсем иное в Дантовых координатах - здесь нет предданной определенности, "неопределенное ... предполагает область, а не безразмерную точку, т.е. нечто, что и не определено до движения (ничего еще нет!), и не растянуто (факт извлечения опыта, в отличие от его содержания, имеет место в пространстве и времени, а не в идеальной точке)" ([2]. С.80). Декартовы координаты есть до всякого тела (точки) и до всякого движения. Дантовы координаты конституируются движением, действием, которое и придает им определенность. Апофатическое пространство требует активности человека, его усилия, метафизически первая и простейшая форма которого - воздержание, остановка, ограничение. Именно через воздержание, ограничение человек выходит из природы (вспомним экзогамность рода), и благодаря им он обнаруживает свою границу, обнаруживает, где он отделен от внешнего для него мира, где он существует как это бытие, эта индивидуальность (не - делимый) мир. Более того, апофатическое пространство, требующее активности человека, является именно тем пространством, в котором рождается новое, в котором новое не дано, а задано, появляется из небытия. Оно появляется из небытия, но не из ничто, а из "не то ...", "не то ...", "не то ...", которое так хорошо известно всякому, кто когда-либо искал нечто новое, кто был в ситуации творчества. Можно утверждать, что исходной процедурой Дантовых координат будет материальная импликация "Если не то..., не то ..., то ...", где антецедент будет всегда отрицательный и где консеквент в свою очередь часто становится отрицаемым антецедентом с целью перехода к последующему консеквенту и т. д. Отрицание - способ проявления оценки (*negito ergo valet* - упорно отрицаю, следовательно, значит), а принятие некоего результата вследствие отрицания есть утверждение выделенного (созданного) бытия (*affirmo ergo est* - утверждаю, следовательно, есть) (см. [16]).

Категориальное описание апофатического пространства Дантовых координат - это один из путей постижения новой онтологии - онтологии утверждения инноваций, для которой понятие небытия так же актуально, как и понятие бытия. Поэтому эта онтология выходит за рамки парменидовской парадигмы, отрицавшей наличие небытия. Человек живет в мире рождающегося бытия, он сам является таким рождающимся бытием, а потому он трансцендентен "внешнему" предданному бытию. С.Н.Булгаков выводит эту черту бытия человека

из "свойств" самого Бога: "Бог трансцендентен миру, есть абсолютное *НЕ*, каким знает его отрицательное богословие. И эта черта должна быть присуща человеку, как носителю его образа, ее мы находим как выражение первоначального самосознания, даваемого себе человеческим духом. Человек трансцендентен миру и в этом смысле свободен от мира, есть не-мир. Он не исчерпывается никакими что, не определяется никакими определениями, но есть, как и Бог, абсолютное *не - что*" ([17]. С.243). Быть трансцендентным миру - значит отделять его от себя, находить свое бытие через отталкивание и отрицание, действуя по принципу Дантовых координат.

Философия экстатического стояния человека в истине бытия, учение М.Хайдеггера об экзистенции как "стоянии в просвете бытия" ([18]. С.198-201), об онтологическом различии между сущим и бытием, которое каждый раз преодолевается человеком в экзистенции, также фиксирует особую топологию "экзистенциального пространства здесь бытия" ([19]. С.319), которая демонстрируется Дантовыми координатами. Человек - это "экстатическое вступление в истину Бытия", - пишет М.Хайдеггер ([18]. С.199). Он проявляется в выходе из ... , в негации наличного, в необходимости "отойти" от сущего, чтобы иметь просвет, ибо стоя вплотную к сущему, не остраняясь, не увидишь бытия. Именно в бытии, отмечает Хайдеггер, "таится сущностный источник отказа" и "ни - что коренится в самом бытии" ([18]. С.217, 218). Через "нетствование" (вспомним "не то ..., не то...") бытие показывает себя, открывает себя - *Вот* - бытие (*Dasein*), и это *вот* - главная забота человеческого бытия-вот (*Dasein*) (см. [19]. С.218, 199-200). Фундаментальная онтология М.Хайдеггера преодолевает границы парменидовской онтологии, вводя небытие в круг интересов философии. Тем самым и наиболее глубокая философия человека XX века на концептуальном уровне подошла к тому, что символически выразили Дантовы координаты - апофатическое пространство определяет человеческое бытие.

Эту же идею высказывает Ж.Батай. "Я поднимаю до ранга принципа, - пишет французский философ в своей книге "История эротизма", - бесспорный факт, что человек это животное, которое не принимает просто так того, что обусловлено природой, но отрицает его. И таким образом он изменяет естественный внешний мир, извлекая из него орудия и произведенные предметы, которые составляют новый мир - мир человеческий" ([20]. Р.40). Таким образом, фундаментальным свойством человека, выделяющим его в особый мир, является свойство негации, действия воздержания, остановки. Именно это делает его онтологически суверенной реальностью, реальностью, имеющей свое лицо. Ситуация человека рождается в результате трансценденции (см. Э.Фромм - [22]. С.443 - 482), она полна внутренней конфликтности (см. [21]. С.65), она устроена (возникает, становится, утверждается, организуется и т.д.) актом отрицания (воздержания, эпохэ). Эта ситуация человека разворачивается в историю и культуру. Здесь, в истории и культуре, онтологическая фундаментальность акта отрицания, рождающего апофатическое пространство, находит свое воплощение и проявление в феномене прехождения (история), запрета и ценности (культура).

Культурное пространство - это пространство Дантовых координат, в котором отрицание становится *modus operandi* культурного феномена. Не случайно в истории культуры первыми развитыми нормами оказались нормы-запреты (табу, ограничения и т.п.). Запрет в культуре сразу помещает человека в апофатическое пространство Дантовых координат, ибо ориентирует его на воздержание. Но и позитивная норма также ставит человека в то же пространство, так как всякая позитивная норма в культуре потому и возникает, что ей может существовать альтернатива. Апофатический характер культурного пространства с особой наглядностью проявляется в ценностях, которые, как показал еще Г.Риккерт, выявляют свое отличие от понятий бытия через критерий отрицания. Ценность всегда амбивалентна и ее значение определяется только в отражении и взаимном отрицании ценностных

полюсов. Вспомним, что Эрот в "Пире" Платона ведет человека к пониманию идеи красоты: от красоты одного тела к красоте всех тел, от телесной красоты к красоте поступков, от красоты поступков к красоте души, от красоты души к красоте познания и, наконец, к разумению идеи красоты. Через "отталкивание", через "не то..., не то..., не то..." к уяснению того, что должно быть. Но и это "что должно быть" само существует в фокусе отрицания: прекрасное по природе - это нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не когда-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другими безобразное". Прекрасное предстает "не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное..." (Пир. 211 ab). По принципу же координат отталкивания строит свою апофатическую теологию Псевдо-Дионисий Ареопагит. Отвлекаясь от "деятельности и чувств своих и разума, от всего чувственно-воспринимаемого, и от всего умопостигаемого, и от всего сущего, и от всего не-сущего ... только совершенно *отказавшись* и от себя самого, и от всего сущего, то есть все отстранив и от всего освободившись, - пишет Ареопагит, - ты сможешь воспарить к сверхъестественному сиянию Божественного Мрака" ([12]. С.5. NB - сияние мрака).

На это же указывает распространенный в мифах, сказках, легендах, эпосе, а затем и в художественной литературе мотив ухода героя, ухода, который приводит его в конце концов к самому себе. Уходит Авраам из Ура и находит Бога, уходит прекрасный Иосиф, странствует Одиссей, почти все культурные герои будучи высокого происхождения по рождению свое детство проводят не в семье, а в изгнании, вдали от дома (Эдип, Тесей, Моисей), уходят в поисках счастья герои русских волшебных сказок, героям пьесы Меттерлинка нужно было уйти из дома в поисках синей птицы счастья, чтобы потом обнаружить ее в своем доме. После принятия крещения и сошествия Святого Духа уходит на сорок дней в пустыню Христос и там подвергается искушению, каждое из которых почти прямо коррелирует со значением Дантовых координат: преврати камни в хлеб - мирские желания и радости, поклонись и дам тебе весь мир - власть, бросься вниз с храма и пусть ангелы тебя понесут - себялюбие (Мтф., 4,1 - 11).

Апофатическое пространство Дантовых координат выражает сущность культурного бытия, ибо оно всегда особенно и индивидуально, а особенность и индивидуальность раскрываются в различии, различие же и небытие, как это показал еще Платон в "Софисте", совпадают (см. "Софист", 256e-259 в). Культура - это бытие индивидуальных событий в пространстве различий, или пространстве апофатических координат.

Движение в пространстве Дантовых координат - необходимое условие определения (определенности) человека, его суверенности и свободы. Как заметил С.Кьеркегор "сила, энергия и свобода духа необходимы для того, чтобы осуществить бесконечное движение самоотречения" ([25]. С.46). Только в воздержании и самоотречении возникает опыт свободы, только в акте отрицания и осознается свобода, именно поэтому она прежде всего ассоциируется с освобождением от ..., в независимости, что и заложено в принципе Дантовых координат. Однако человек, определяясь через отрицание, через нетствование, не оказывается небытием, а получает определенность бытия, причем бытия значимого. Эта определенная значимость есть вера. "Бесконечное самоотречение - это последняя стадия, непосредственно предшествующая вере..., ибо лишь в бесконечности самоотречения я становлюсь ясным для самого себя в моей вечной значимости, и лишь тогда может идти речь о том, чтобы постичь наличное существование силой веры", - пишет С.Кьеркегор ([25]. С.46). Но если датский философ имел в виду веру религиозную, то, говоря о вере как значимой точке Дантовых координат,

фокусирующей в себе все нетствования, я имею в виду веру как состояние, в котором индивид отождествляет себя с самим собой благодаря "абсолютному отношению к абсолюту" ([25]. С.60), и не обязательно к религиозному абсолюту, а к абсолюту как пункту самотождества. Абсолют и есть эта точка самоотождествления. Но, повторю, чтобы она возникла, должна вначале произойти негация. Абсолют возникает как результат, как момент остановки негации. Конечно, негация может не останавливаться, но в таком случае она перестает быть продуктивной. Но если она становится продуктивной, тогда она заканчивается утверждением самодостаточности Я, или культурным абсолютом. Кьеркегор прав, что в вере единичный индивид стоит выше всеобщего ([25]. С.54), что самодостаточность Я возникает на парадоксе, а, следовательно, в Я, в точке абсолюта не действует закон противоречия. Но тогда на чем основывается определенность абсолюта?

Основанием определенности в этом случае выступает *modus operandi* утверждения индивидуальности: "Если А, то уж А", который не является только действием в одном уровне, а обязательно включает как акт предметной аффирмации - утверждение бытия (или смысла), так и акт рефлексии - осознание и оценку результата, утверждение личностной индивидуальности предполагает в этом случае акт бытийной аффирмации - реальный поступок, а акт рефлексии - самосознание.

Оказавшись в точке утверждения (или точке веры, или точке абсолюта, или точке индивидуальности), возникающей в апофатическом пространстве в результате отрицаний, индивид оказывается в смысло-временном пункте. "Положенная ... для себя ... отрицательность есть *время*", - писал Гегель ([26]. С.51. Курсив Гегеля - В.К.). Время рождается в "экзистенциальной пространственности" (Хайдеггер) Дантовых координат и формально, и содержательно. Формально, потому что негация и аффирмация - это разные *состояния*, которые могут быть как разделены в своем свершении, так и совпадать в своем свершении (т.е. во времени). Содержательно - потому что совершая некий акт негации (воздержания, *erosche*), индивид обнаруживает для себя ценности, которые он *уже* знал или *еще* не знал. Так в смысло - временной структуре Дантовых координат появляется начальная точка как место катафатической ценности. Таким местом проявления катафатической ценности становится та позиция, которую утверждает человек, тот фокус, куда сходятся отрицания, где отрицание осознается как отрицание, т. е. осознается его основание. В ситуации Первой песни "Ада" эту позицию олицетворяет Вергилий.

Отталкиваясь, отрицая апофатические ценности, человек опирается на ценности катафатические, которые заданы ему культурой, но которые еще не стали его собственным бытием. Ибо собственное бытие становится в результате собственных усилий человека, а не в результате принятия ценностей культуры и идентификации с ними. Именно поэтому логически первичными в пространстве становления человека как личности являются апофатические координаты, хотя исторически первична координата катафатическая.

Катафатическая ценность, входя в систему Дантовых координат, порождает в культуре значение подобное значению апофатических координат. Последние в культуре представлены как запреты, а катафатический вектор представляется в культуре идеей греха. Грех - это запрет на отрицание идентификации с катафатическим вектором Дантовых координат. Так реализуется изотропность пространства Дантовых координат: их пространство строится на основе отрицания, но если отрицание апофатического вектора рождает "свободу от ...", то отрицание отрицания катафатического вектора (отказ от греха) рождает "свободу для ...". Не сама идентификация с позитивными ценностями культуры формирует свободного человека, способного к самостоятельному индивидуальному утверждению, а постоянное осознание возможного отклонения от них и активное избегание греха. Поэтому прав Ж.-П.Сартр, когда подчеркивает, что главное "не то, что сделали из человека, а то, что он делает из

того, что из него сделали". "Субъект, или ... субъективность, существуют с момента, когда имеется усилие превзойти данную ситуацию, сохраняя ее. Действительной проблемой является проблема этого выхождения за пределы" ([23]. Р.95,93). *Modus operandi* в отношении катафатической ценности Дантовых координат может быть выражен формулой: "Теперь, когда...". Теперь, когда я занял свое место, мир определился, поэтому "На том стою и не могу иначе". Именно здесь появляется то "метафизическое апостериори", о котором говорит М.К. Мамардашвили (см. [4]).

Определение человека по Дантовым координатам - это определение его свободы и ее содержания, это формирование самой способности человека утверждать свою судьбу, быть для себя и господином и первосвященником, как об этом говорит Вергилий своему спутнику, когда тот прошел все круги испытаний:

Отныне уст я более не открою;
Свободен, прям и здрав твой дух; во всем
Судья ты сам; я над самым тобою
Тебя венчаю митрой и короной.

(Чистилище, XXУП, 139-142)

Литература

- [1] Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
- [2] Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.
- [3] Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
- [4] Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993.
- [5] Ляткер Я.А. Декарт. М., 1975.
- [6] Доброхотов А.Л. Данте Алигьери. М., 1990.
- [7] Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971.
- [8] Де Санктис Ф. История итальянской литературы. Т.1, М., 1963.
- [9] Флоренский П.А. Мнимости геометрии. М., 1922.
- [10] Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая типология пути), М., Ad Marginem, 1995.
- [11] Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980.
- [12] Дионисий Ареопагит. Божественные имена. Мистическое богословие, Киев, 1991.
- [13] Gawronski A. Dlaczego Platon wykluczyl poetow z panstwa? Warszawa, 1984.
- [14] Capra F. The Turning Point. Science, Society and the Rising Culture. Berkeley, 1982.
- [15] Голенищев-Кутузов И.Н. Примечания "Ад". Данте. Божественная комедия. М., 1968.
- [16] Конев В.А. Философия культуры и парадигмы философского мышления. Философские науки, 1991, №6.
- [17] Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994.
- [18] Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.
- [19] Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
- [20] Bataille G. Historia erotyzmu. Krakow, 1992.
- [21] Хоружий С.С. Диптих безмолвия. М., 1991.

- [22] Фромм Э. Ситуация человека - ключ к гуманистическому психоанализу. Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- [23] Sartre aujourd'hui. L.Ас. Aix-en-Provence, 1966, N30.
- [24] Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
- [25] Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
- [26] Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.2. М., 1975.

Поступила в редакцию
30.10.95